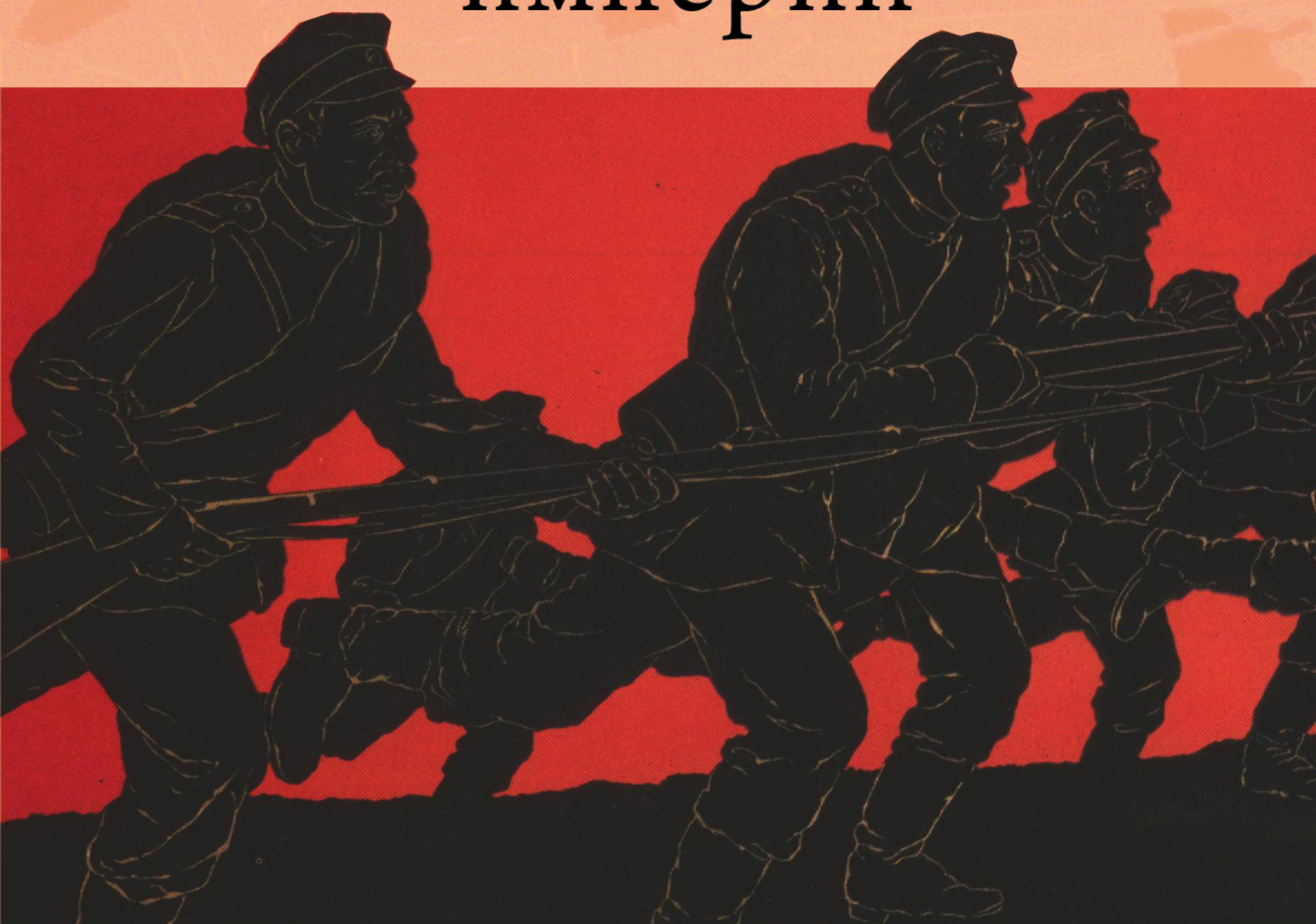

Джошуа Санборн

Великая война
и деколонизация
Российской
империи

Современная западная русистика

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Джошуа Санборн

**Великая война и деколонизация
Российской империи**

«Библиороссика»

2014

УДК 94(470)
ББК 63. 3(5)

Санборн Д.

Великая война и деколонизация Российской империи /
Д. Санборн — «Библиороссика», 2014 — («Современная западная
русистика» / «Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-6045354-5-5

Дж. Санборн в своем исследовании ставит две грандиозные задачи: сугубо теоретическую и гуманистическую. Первая из них заключается в рассмотрении многослойной истории участия России в Первой мировой войне, включая военный, политический и экономический аспекты, и процесса крушения российской государственности через призму понятия деколонизации. Вторая задача — вернуть безвестным массовым жертвам войны человечность и дать им рассказать свою личную историю. Рассчитана на широкий круг читателей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(470)

ББК 63. 3(5)

ISBN 978-5-6045354-5-5

© Санборн Д., 2014
© Библиороссика, 2014

Содержание

Предисловие Роберта Герварта	6
Предисловие	7
Введение	10
Война и модель деколонизации	12
Имперские окраины накануне войны	16
Балканский пролог: начало Первой мировой войны	22
1. Начало войны и преобразование окраин	27
Первые месяцы войны	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Джошуа Санборн

Великая война и деколонизация Российской империи

Joshua A. Sanborn

Imperial Apocalypse

The Great War and the Destruction of the Russian Empire

Oxford University Press

2014

Перевод с английского Ольги Поборцевой

© Joshua A. Sanborn, текст, 2014

© Oxford University Press, 2014

© О. М. Поборцева, перевод с английского, 2020

© Academic Studies Press, 2021

© Оформление и макет ООО «Библиороссика», 2021

Предисловие Роберта Герварта

Книга «Великая война» описывает процесс крушения Российской Империи во время Первой мировой войны. Привлекая материалы из девяти различных архивов и сотен опубликованных источников, это исследование связывает крушение государственности, военное насилие и деколонизацию в единое повествование. Джошуа Санборн показывает жизни отдельных солдат, врачей, медсестер, политиков и мирных жителей, оказавшихся внутри глобального конфликта, создавая нарратив, в равной степени проникнутый человечностью и научными идеями.

Повествование движется в хронологическом порядке, начиная с Балканских войн 1912-1913, рассказывая о яростных сражениях и массовых перемещениях людей 1914-1917, вплоть до крушения Российской Империи в разгар революции в 1917. «Великая война» – это первое большое исследование, которое рассматривает падение империи как часть собственного XX века феномена деколонизации и приводит значительное количество сведений о военных действиях и политических изменениях на протяжении беспокойного периода войны и революции. Санборн утверждает, что внезапный подъем сил, борющихся за национальное самоопределение на окраинах империи, является следствием крушения государственности, а не его причиной. В то же время он показывает, что слом государственных институтов и распространение насилия из фронтовой зоны в тыл вело к разрушению традиционных социальных связей и возникновению новой, более грозной и в большей степени пронизанной воинственными настроениями политической атмосферы.

Предисловие

Я начал исследования, необходимые для написания этой книги, более десятилетия назад, с темы повседневной жизни в зонах военных действий Восточного фронта во время Первой мировой войны. Мне хотелось вернуть человечность безвестным мужчинам и женщинам, которые предстают в военной истории в основном как типажи простых русских солдат крестьянского происхождения или жертв современной войны. Совершая первые набеги на архивы, я рылся в поисках подобных историй в полицейских протоколах, прошедших цензуру письмах, телеграммах армейских офицеров, мемуарах и дневниках. Лишь позже, начав писать статьи на основе своих исследований, я намного яснее разглядел траекторию описываемых мной событий. И передо мной стала разворачиваться другая история – та, что связала присущее войне насилие, крах государственности, обрушение общественного устройства и конец империи в причудливо переплетенную, но неразрывную цепь причин и следствий. Этот процесс столь разительно походил на всемирный исторический процесс деколонизации в XX столетии, что мне пришлось переосмыслить свой проект, исходя из того, что апокалиптический опыт России в период Первой мировой и Гражданской войн представлял собой раннюю фазу драматической и болезненной мировой истории. Феномен деколонизации еще настоятельнее выводит Первую мировую войну в центр повествования о всемирной истории XX века. Поэтому у моей книги две задачи: нарисовать картину жизни разнородных действующих лиц на Русском театре военных действий и проанализировать путь деколонизации Российской империи.

Эти две задачи в основном и очертили рамки подбора материала, который я осуществлял как автор. Я описываю в деталях жизни солдат и сестер милосердия, излагаю более или менее подробно, как Осип и Марьяна потеряли своих коров, описываю отчаянные в своей неприглядности действия Эльзы Вимбы возле театра «Аполло» в Риге и повествую о захватывающих поездках доктора Миронцева по территории, охваченной военными действиями, не только из-за подлинного интереса к этим «мелкокалиберным» рассказам, но еще и потому, что именно они помогают военной истории обрести плоть. Англоязычные читатели давно получили возможность увидеть человеческий облик тех, кто сражался на Западном фронте. Я надеюсь, что моя книга покажет тех, кто жил в те ужасные времена на другом конце континента. Я также склоняюсь к точке зрения многих военных историков, что рассказы о войне, оставляющие за рамками собственно боевые действия, упускают из виду нечто существенное. Поэтому в этой книге говорится о сражениях намного больше, чем я предполагал в самом начале. Желание проследить, как разворачивалась нить судьбы империи в Восточной Европе, также определяло мой выбор. Рассказ о Балканских войнах приобрел дополнительное значение как пролог к событиям Первой мировой, а печальный рассказ о Гражданской войне в России стал эпилогом. События на Украине летом 1917 года стали казаться намного важнее, когда я заканчивал работу, чем когда я только приступал к ней. Так сложилось, что рассказы о повседневной жизни людей в прифронтовых районах и о крушении империи оказались неотъемлемыми частями одной и той же истории, позволив взглянуть на нее под разными углами. Поэтому все они укладываются в единое повествование.

Наконец, я писал эту книгу для различных читательских аудиторий. Я всегда старался ориентироваться на читателей, не являющихся специалистами, но желающих расширить свои знания о Первой мировой войне или истории России. Я не жду, что мои читатели окажутся специалистами именно по данному периоду истории либо по истории России и Восточной Европы. По тем же причинам я верю, что студенты найдут мое повествование увлекательным и доступным, причем научная строгость не пострадает из-за доступности изложения. Надеюсь, что специалисты увидят, что я соединял собственные соображения с новейшими исследованиями и добавил как новую фактическую информацию, так и свои выводы. В особенности мне

бы хотелось, чтобы моя книга оказалась полезной и интересной для историков Первой мировой, не являющихся экспертами по России. Если читатели-неспециалисты извлекут пользу из обсуждения темы краха государственности и деколонизации, а профессионалы смогут извинить автора за упрощенную трактовку одних проблем и умолчание о других, я сочту, что успешно выполнил свою задачу.

Все исследования на данную тему вынуждены решать затруднительные задачки с датами и названиями. Юлианский календарь, по которому жила Россия до 14 февраля 1918 года, на тринадцать дней отставал от грегорианского, который использовался на всей остальной части континента. В помощь тем, кто хочет увязать события в России с более широкими европейскими временными рамками и свести к минимуму путаницу, я каждый раз указываю даты по обоим календарям, а в сносках я оставляю ту дату, которая используется в конкретном документе.

В течение долгого периода работы меня поддерживали опыт и знания стольких людей, что едва ли я могу выразить свою благодарность им всем в этих коротких строках. Хочу выразить особую признательность студентам программы EXCEL Колледжа Лафайет – эта программа позволяет им работать в качестве ассистентов-исследователей с преподавателями колледжа. Молодые люди и девушки работали со мной над многими задачами, кто-то пару месяцев, а кто-то пару лет: Мария Азимова, Карла Бенедек, Мартин Чойнаки, Иван Димитров, Дэниел Фолкенберри, Диана Гальперина, Брайан Джегарти, Милош Йованович, Джон Рэймонд, Кристин Шанахан, Ханна Смок, Зузанна Войтекова, Лори Уивер, Сандамали Вижератн. На протяжении нескольких лет большую помощь мне оказывал Василий Каширин. Другие ученые и исследователи помогали мне в отдельных вопросах: Эндрю Янко указал мне на возможность отыскать полезные для меня рукописи в Библиотеке-фонде «Русское Зарубежье»; Бриджид О'Кифф и Эрик Лор с благосклонностью и вниманием читали черновой вариант моей книги. Я не стану перечислять всех специалистов по Великой войне, повлиявших на мое видение и ознакомившихся с отдельными частями моей работы. Столь много людей приняло в ней участие, что мне страшно упустить кого-то из них.

Начинать исследовательский проект в университете, не являющемся научно-исследовательским, очень сложно, но Колледж Лафайет оказывал мне поддержку на всем протяжении моей работы. В дополнение к финансированию в рамках уже упомянутой программы EXCEL, Исследовательский комитет выделил несколько грантов для проведения работы в Москве, Киеве, Риге, Петербурге, Вашингтоне и Беркли. Карэн Хейдак и остальные сотрудники межбиблиотечного абонементов в Библиотеке Скиллмана потрудились на славу, чтобы выполнить все мои сложные заявки. Джон Кларк, также выдающийся библиотечный сотрудник, в последний момент обновил для меня все карты, за что я ему невероятно благодарен. Эта книга не состоялась бы такой без их тщательной и профессиональной работы. Некоторые бывшие и нынешние коллеги по Колледжу Лафайет повлияли на мои представления об империи или сделали глубокие замечания о моей работе. Я хотел бы особо выделить Пола Барклея, Билла Биссела, Эмили Мьюзил Черч, Нила Энгергарта, Ребекку Пайт, Дебору Розен и Андрэа Смит. Я также получил щедрую поддержку благодаря нескольким внешним грантам и стипендиям. Серьезная работа над этим проектом началась, когда я был приглашенным сотрудником в Центре исторических исследований Дэвиса в Принстонском университете. Стипендии Американского совета научных сообществ и Национального фонда гуманитарных исследований позволили мне провести длительные исследования за границей.

Наконец, я глубоко благодарен Роберту Герварту за приглашение включить мою книгу в серию, а также Кристоферу Уилеру, Роберту Фейберу и Катрин Стил из Oxford University Press за их помощь и содействие. И наконец, я хочу выразить мою любовь и благодарность моей жене Ким и моим детям, Клейтону и Грейс. Работая над книгой, я пребывал вдали от них душой и телом – признание банальное, но, увы, справедливое.

В ходе работы я использовал фрагменты из опубликованных ранее статей. Я благодарю издательства за разрешение повторно использовать их.

Sanborn, Joshua. *Unsettling the Empire: Violent Migrations and Social Disaster in Russia during World War I* // *Journal of Modern History* 77, no. 2 (June 2005): 290-324. Публикуется с разрешения Чикагского университета
Sanborn, Joshua. *The Genesis of Russian Warlordism: Violence and Governance during the First World War and the Civil War* // *Contemporary European History* 19, no. 3. (August 2010): 195-213. Публикуется с разрешения Cambridge University Press.

Sanborn, Joshua. *Military Occupation and Social Unrest: Daily Life in Russian Poland at the Start of World War I* // *In Writing the Stalin Era: Sheila Fitzpatrick and Soviet Historiography*, ed. Golfo Alexopolous, Julie Hessler, and Kiril Tomoff, 43-58. New York: Palgrave Macmillan, 2010. Публикуется с разрешения Palgrave Macmillan.

Введение

Вызов, брошенный империи

Грядет столетняя годовщина начала Первой мировой войны. Ученые, журналисты, публицисты и политики всего мира собираются вместе в летние месяцы 2014 года и размышляют о том, как Великая война во многом определила очертания последующего века. То же происходило и в 50-ю годовщину войны в 1964 году, и по случаю окончания XX столетия. Многие едут на поля сражений во Франции, где немецкая армия четыре кровавых года воевала с французами, британцами и американцами. Титанические столкновения на этой земле вот уже целый век волнуют жителей Европы и Северной Америки. Марна, Сомма, Верден и целый ряд других названий стали символом кровавой бойни и отчаяния точно так же, как Версаль стал синонимом послевоенных политических провалов европейских государственных деятелей. Ожидалось, что в XX веке каждый образованный европеец и американец будет знать эти названия и понимать их значимость.

Но подобные ожидания не касались мест, связанных с военными конфликтами в Восточной Европе и Евразии. Немецкие школьники в период между двумя войнами должны были знать о великой победе при Танненберге в 1914 году [Showalter 2004: 351-353]; но что насчет Горлице, Перемышля, Трапезунда, Ивангорода или Болимова? Европейцы знают об «Изнасиловании Бельгии», но что насчет расстрела мирных жителей в приграничном городе Калиш или того, что современники называли «польский Исход» – побег миллионов мирных жителей с охваченных войной территорий в глубь России? Эти события исчезли из анналов памяти Европы с такой удивительной быстротой, что Уинстон Черчилль с полным правом мог заявить еще в 1931 году, что это была «Неизвестная война» [Черчилль 2014]. Ее обходили молчанием не только люди, никогда не сражавшиеся на востоке, но и многие вовлеченные в конфликт страны, особенно на землях Российской империи, где последующие события революции 1917 года и Гражданской войны заняли центральное место в исторических воспоминаниях¹. Распад Советского Союза возродил интерес к событиям, предшествующим революции, и Первая мировая война привлекла к себе определенное внимание ученых, однако все равно оставила лишь легкую рябь на поверхности общественного сознания. Историки годами прилежно изучали эти события, но их открытия так и не были полностью интегрированы в более широкий исторический нарратив². Недавно один автор, обосновывая собственное внимание к Западному фронту, писал: «... для многих, и меня в том числе, Первая мировая война означает Ипр, Сомму, Верден, а не Танненберг... Первая мировая – это Версаль, а не Брест-Литовск» [Bergen 2009: 18]. Почти не существует российских памятников павшим или сериалов и шоу, посвященных этой теме, едва ли ей отведено общественное внимание. Это знак разрыва памяти и истории; когда некоторые энтузиасты попытались ввести традицию чествования военных усилий России, то было выбрано 11 ноября – дата, важная для многих воюющих стран, поскольку именно в тот день в 1918 году было объявлено перемирие, но гораздо менее значимая для России, которая подписала сепаратный мир на восемь месяцев раньше³.

Так утратили ли мы что-то существенное в процессе забывания? Или Восточный фронт так скоро померк в памяти потому, что тогдашние события не имели долгосрочных послед-

¹ [Орловски 1999; Cohen 2003]. Следует заметить, однако, что война по-прежнему оказывала влияние самым неожиданным образом. См. [Petroe 2011].

² Как показывают примечания и библиография к этой книге, доступно воистину громадное количество материалов о вооруженном конфликте на Восточном фронте.

³ [Cohen 2003: 85]. Несомненно, эта дата была выбрана в рамках общих попыток в постсоветский период оставить праздник революции (7 ноября) в календаре без фактического упоминания о большевиках.

ствий для истории? А может, эти события были так похожи на происходящее на Западном фронте, что изучение их стало бы излишним для тех, кто знаком с ситуацией во Франции? Может, они имели значение только для тех, кто напрямую был в них вовлечен, но для всех прочих являлись уделом любителей кроссвордов?

Ответ дал Черчилль в своей несколько напыщенной прозе. Это был, писал он,

...самый трагический конфликт в истории человечества. Все три противоборствующие империи рухнули. Все императоры или их наследники были свергнуты с престола или убиты. Династии Романовых, Габсбургов и Гогенцоллернов, многие столетия своей славной истории вплетавшиеся в ткань политической жизни Европы, были сокрушены и вырваны с корнем. Строение трех могучих государств, созданных трудами и доблестью многих поколений и представлявших собой три традиционно сложившихся объединения внутри европейской семьи народов, изменилось до неузнаваемости. На страницах этой книги рассказывается о победах, ослеплявших победителей, и о поражениях, которые не могли сломить дух побежденных; о тяжком труде, испытаниях, страданиях и надеждах миллионов людей. Их пот, слезы и кровь оросили бескрайние равнины. Десять миллионов семей ждали возвращения своих воинов домой. Сто городов готовились устроить им триумфальную встречу. Но все они были побеждены, все были разбиты, и все их жертвы были принесены впустую. Ужасные раны, жестокие лишения, высокие примеры верности – все было напрасно. Никто ничего не приобрел. Солдаты этой войны тонули в грязи, замерзали в снегу, умирали от голода. А когда те, кому посчастливилось выжить, ветераны бесчисленных сражений, вернулись домой, кто увенчанный лаврами, кто с вестью о катастрофе, они нашли свои родные края погруженными в пучину бедствий [Черчилль 2014: 9].

Нет необходимости перенимать героически-элегический стиль Черчилля, чтобы оценить его основную мысль: полное уничтожение трех империй, вплетенных в самую ткань Европы, стало явлением глубочайшего значения.

Война и модель деколонизации

Эта книга основана на той предпосылке, что падение империи⁴ в Европе было значительным историческим явлением. Этот процесс разворачивался на всем протяжении войны, а не только во время мирных конференций, которые положили ей конец. Великая война была войной за деколонизацию Европы. Траектория деколонизации повлияла на ход войны, а факт деколонизации Восточной и Юго-Восточной Европы стал одним из самых осязаемых и значимых итогов военного конфликта. Сосредоточив внимание на Восточном фронте, мы сможем проследить за динамикой войны, которая в ином случае могла ускользнуть от наших глаз, но которая при этом оказала влияние на ход всего XX столетия.

Деколонизация явилась важнейшим аспектом войны на всем ее протяжении, однако большинство исследователей по-прежнему ее игнорируют. События лета 1914 года изучены весьма подробно, но, насколько мне известно, ни один автор не попытался рассмотреть убийство в Сараево или Июльский кризис сквозь призму деколонизации. Исследователи по большей части не обращались к динамике деколонизации даже при анализе последних стадий военного конфликта – например, в дни перед Парижской мирной конференцией, когда этот процесс уже невозможно было упускать из виду. Недавняя книга Эреца Манелы внесла долгожданный вклад в раскрытие этой темы, но автор ограничивается Африкой и Азией, а это вынуждает его связать всплеск антиколониальной риторики со «звездным часом Вильсона» в конце 1918-го и в 1919 году [Manela: 2007]. Манела понимает важность лозунга самоопределения наций в Восточной Европе 1917 года, но тем не менее Польша едва затронута, а Украина упоминается только в контексте украинской диаспоры в Соединенных Штатах⁵. Вильсон заимствовал лозунг самоопределения наций именно у восточных европейцев, и этот факт заслуживает более пристального изучения.

Однако дискуссии историков сосредоточились вокруг динамики соперничающего империализма великих держав. Вопрос ответственности за развязывание войны заставил страны, воюющие на Западном фронте, указывать друг на друга как на главных зачинщиков конфликта. В результате гораздо большее внимание было уделено развитию ситуации в Берлине, Париже и Лондоне, а не на Балканах, где находились истоки кризиса⁶. Ученые сместили фокус своего внимания к северу и западу не только в силу историографических соображений (среди которых настоятельная потребность приписать кому-то вину за развязывание войны), но и вполне разумных исторических. Большинство государственных деятелей и историков в дальнейшем утверждали, что истоки масштабной войны между великими державами коренились в столь же масштабных политических конфликтах, развертывающихся между ними. События на периферии, возможно, и послужили искрой, но нет особых оснований считать их чем-то большим. Таким образом, европейские дипломаты в июле 1914 года обычно (хотя, как мы увидим, не всегда) трактовали кризис как столкновение империй. Война и военная мобилизация в августе была объявлена в контексте имперской системы, которая управляла действиями дипломатов все предыдущее столетие. Но войны обычно затрагивают многое, а великие войны – это по

⁴ Под империей в рамках исследования понимаются «...такие отношения, оформленные законодательно или нет, когда одно государство контролирует политический суверенитет другого политического общества. Этого можно добиться силой, прибегнув к политическому сотрудничеству, опираясь на экономическую, социальную или культурную зависимость» [Doyle 1986: 45]. – *Примеч. ред.*

⁵ Манела признает, что язык самоопределения был с энтузиазмом воспринят Лениным и большевиками в самом начале войны и что русская революция способствовала распространению этого идеала в 1917 году, когда он говорит о «двойном вызове Ленина и Вильсона старым методам европейской политики». Тем не менее в его работе Европа не исследуется как зона «антиколониального национализма» [Manela 2007: 38].

⁶ Отличный анализ гигантского пула литературы о развязывании войны см. [Mombauer 2002]. Недавние поправки, уделяющие существенное внимание Балканам, принадлежат Кристоферу Кларку [Clark 2013].

определению почти всегда клубок многочисленных конфликтов, которые разворачиваются в одно и то же время. Один из таких конфликтов касался самого существования контроля со стороны империи, а не просто того, какая именно империя будет осуществлять контроль. Этот аспект Первой мировой войны имел место уже в самом начале войны и в последующие годы стремительно развивался.

Сдвиг от идеи великодержавного империализма к модели колонизации и деколонизации позволяет нам увидеть военные события в новом свете; эта же модель дает нам свежие идеи относительно развития явления, которое обычно обозначают как «расцвет национализма» в Восточной Европе. Опять-таки, изучение национализма в Восточной Европе занимало важное место в литературе о войне. В частности, исследователи империи Габсбургов в довоенный и послевоенный периоды часто обращаются к проблемам и политическим чаяниям отдельных этнических групп, и многие заключают, что мультиэтническая империя в конечном итоге несостоятельна как современное государство⁷. Ученые высказывают аналогичные суждения и о Российской империи [Бахтурина 2004: 3]. Такое прочтение предполагает, что подъем национализма оказал столь сильное давление на имперские государства, что последние вынуждены были принимать еще более отчаянные меры для сдерживания националистических движений. Война притушила эти стремления к независимости, но когда перед империями забрезжило поражение, националистические группы заговорили на языке самоопределения, чтобы добиться в Париже политического признания.

Подобная интерпретация является не столько неверной, сколько неполной. Она придает слишком большое значение ранним процессам становления и развития этнического сознания и переоценивает роль пропагандистов национальной идеи. Что важнее, национально-освободительная модель проблематична, поскольку исходит из предпосылки, что это прежде всего процесс перехода от колониальной зависимости к национальному суверенитету и, следовательно, основная битва происходит между нацией, желающей свободы, и империей, стремящейся сохранить контроль.

Основание этой модели, как мы увидим, недостаточно прочно, чтобы объяснить сложные политические и военные процессы, ведущие к независимости, подверженные сильному влиянию яростных сражений между предполагаемыми представителями одной нации и глубоким связям с региональными и глобальными силами, отличными от империи, которую эти процессы затрагивают напрямую. Национально-освободительная модель оказывается еще менее полезной, если пытаться объяснить, почему конфликт продолжается и даже часто наращивает интенсивность после достижения национальной независимости. Также можно отметить, что многие реальные государства, возникшие в ходе Первой мировой войны, были по сути многонациональными. Как следует из их названий, Чехословакия, Королевство сербов, хорватов и словенцев и Союз Советских Социалистических Республик включали в себя ряд политически осознанных национальностей. Несмотря на свое название, Польша тоже являлась многонациональным государством (особенно в межвоенный период). Правда, практически каждое политическое движение прошлого столетия, заинтересованное в деколонизации, сделало выбор в пользу национального дискурса, и это имело мощные последствия с точки зрения политических убеждений и практик везде, где подобный выбор был сделан. Тем не менее стоит проводить различие между ключевыми политическими процессами деколонизации и идеологией, которая недостаточно четко структурировала эти политические взаимодействия.

Одна из причин, по которой исследователи Великой войны уделяли так мало внимания концепции деколонизации, заключается в том, что политики задали рамки дебатов о причи-

⁷ Таких примеров в литературе XX века существует множество. Примеры XXI столетия см. [Океу 2001]. Марк Корнуолл высказывает неоднозначное мнение о том, что национальный вопрос в армии был раздут в начале войны своекорыстным генералитетом, однако приобрел большую важность в последние два военных года, когда подданные Габсбургов восстали одновременно и против войны, и против старого режима [Cornwall 1997].

нах и следствиях войны прежде, чем комментаторы получили возможность разглядеть схему, проявившуюся в течение XX столетия. Историки знают, что большое не всегда видится на расстоянии. И все же возможность взглянуть на ситуацию шире – это одно из величайших преимуществ, которым располагают историки, в отличие современников, проживающих те или иные исторические события. На протяжении XX века мы имели возможность увидеть развитие националистических движений и коллапс имперского правления. Эти исторические процессы происходили в масштабах континента после Второй мировой войны, и, обсуждая события в Африке и Азии, комментаторы постоянно трактуют их в терминах национального освобождения и рассматривают сквозь призму деколонизации. Однако в обеих Америках и в Европе, где на заре современной эпохи разворачивались антиимперские движения за независимость, ученые не столь часто обращаются к понятию деколонизации. Поэтому стоило бы задаться вопросом: а не были ли революции и восстания конца XVIII – начала XIX века в Северной и Южной Америках и рождение новых государств после Второй мировой войны движениями за деколонизацию, опередившими свое время?

При проведении подобных сравнений полезным было бы идентифицировать общеисторическую закономерность и логику деколонизации. На мой взгляд, процесс деколонизации проходит четыре основных стадии. Первая стадия – это *вызов, брошенный империи*. В этот формообразующий период деколонизации определенные члены колонизированных сообществ инициируют антиимперские политические движения, которые имеют возможность нарастить легитимность и авторитет в соответствующем регионе. Полезно, но не необходимо, если в метрополии будут развиваться движения, которые ставят под сомнение полезность или моральность имперского проекта⁸. Национализм исторически вносил большой вклад в определение легитимности и авторитета в метрополии и на периферии в современную эпоху, но опять-таки логической необходимости здесь нет. Полезно также, если у имперского государства снижается возможность физически контролировать или эффективно управлять подвластными ему территориями вследствие экономического кризиса, военного поражения или иного события.

Стадия вторая – это *крах государственности*. Здесь следует отметить, что деколонизация обязательно подразумевает крах государственности. Революционеры часто воображают, что могут просто захватить государственный аппарат, овладеть «командными высотами», повесить на кабинетах таблички со своими именами и выполнять бюрократические функции по собственному разумению. И всегда их ждет разочарование. Государство – это нечто намного большее, чем формальные должности и кабинеты в столичных зданиях. Это еще и разветвленная система сложившихся личных отношений, которые покоятся на власти и подчинении. Не менее важно и то, что государство определяется его способностью узаконить и контролировать насильственные действия. В результате независимость требует разрушения комплекса сложившихся личных отношений и привычной системы полномочий и подчинения и делегитимизацию и утрату контроля над насилием прежде, чем может быть выстроено новое «государство». Необязательно существует причинно-следственная связь между вызовом, брошенным империи, и крахом государственности. Как мы увидим далее в этой книге, крах необязательно порождается антиимперскими революциями и их подвижниками. Имперские государства способны к саморазрушению, осознанному или нет.

Результат краха государственности если и не неизбежен, то, по крайней мере, предсказуем. С крахом сложившихся механизмов легитимизации насилия сфера «силового предпринимательства» значительно расширяется⁹. Те, кто жаждет власти, богатства или удовольствий, способны создавать или использовать силовые организации в период открытой силовой кон-

⁸ О влиянии данного процесса в метрополии в начале современного периода см. [Pagden 1995].

⁹ Я позаимствовал этот термин у В. Волкова. См. его вдумчивую и наводящую на размышления книгу о силовых действиях в российской экономике в 1990-е годы [Волков 2012].

курении, которая сопровождает процесс падения старого государства и попыток строительства нового. Эти силовые структуры могут представлять собой формальные военные формирования, но столь же часто это бывают неофициальные военизированные группировки и даже банды (этот термин лучше определяет их природу). Возникновение конкурирующих «силовых предпринимателей», в свою очередь, глубоко затрагивает экономику, поскольку насилие в экономике – тайное, легитимизированное и вошедшее в обычай в успешных государствах – начинает играть гораздо более значимую роль, смещая экономический баланс от тех, кто умеет управлять капиталом, заниматься коммерцией или мирно трудиться, в сторону тех, кто искушен в силовых действиях. Этот сдвиг к непродуктивному отбору и деформации существующей экономической системы не способствует общему процветанию. В то же время подъем класса силовых предпринимателей трансформирует общественные отношения. Страх и незащищенность заставляют многих граждан уходить из публичного пространства и прекращать социальные взаимодействия. Многие покидают родные места, где становится практически невозможно и слишком опасно вести привычный образ жизни.

Итак, стадия краха государственности часто приводит к *социальной катастрофе* как стадии процесса деколонизации. Люди бросают работу, бегут из собственного дома, присоединяются к вооруженным группировкам и дерутся за долю в том, что составляет быстро убывающую ресурсную базу экономических ценностей и политической поддержки. Разрушение социальных институтов, а также и государственных структур, ответственных за социальную поддержку и здравоохранение, приводит к росту бедности, голода и болезней. Это, в свою очередь, еще сильнее подрывает социальные взаимодействия, потому что соседи начинают запасать еду впрок, гостеприимство сопряжено с риском смертельных болезней, а отчаявшиеся люди разрывают социальные связи с соседями по городу или деревне и бегут в поисках лучших мест. Если быстро не положить конец стадии социальной катастрофы, она может привести к апокалиптической спирали смертности, как показывает опыт не только России в Гражданскую войну, но и таких стран, как Конго и Сомали в наше время.

Тогда возникает вопрос: как и когда наступает четвертая стадия – стадия *возрождения государственности!* Ответ может вызвать скепсис: мы пока не знаем. Деколонизация нанесла серьезный ущерб европейской политике и обществу, а процесс государственного строительства в Восточной Европе в течение семидесяти лет после окончания войны был в результате отмечен необычайно кровавыми политическими конфликтами и откровенной диктатурой. Этот темный период проживают сейчас многие народы Африки и Азии, что снова заставляет провести мощную параллель между двумя отдельными эпизодами крушения империй. Снижая долю скепсиса, можно заметить, что все государства находятся в стадии строительства и что все государственные институты Восточной Европы возникли и набрали силу именно в 1920-е годы. Несмотря на это, я утверждаю, что мы могли бы обрести более полное понимание этих новых государств, классифицируя их не только как революционные, демократические или национальные, но еще и как постколониальные. В любом случае, эта книга рассматривает первые три стадии деколонизации и концентрируется на путях пересечения войны и деколонизации на землях Восточного фронта. А фронт этот являлся зоной ярко выраженного разнообразия, каковое существовало там много столетий.

Имперские окраины накануне войны

В Средние века Восточная Европа представляла собой лоскутное одеяло независимых королевств и в основном автономных удельных княжеств. В раннее Новое время, с зарождением современных империй, почти все они прекратили существовать. В этот перечень покоренных территорий входят и те, что возродились как государства в современную эпоху, – это, например, Грузия, Сербия, Армения, и другие страны, названия которых бывают на слуху только во время международных кризисов: Курляндия, Ливония, Галиция и Крымское ханство. Между XIV и XVIII столетиями за эти земли шло соперничество, они переходили из рук в руки, их включали в состав шести великих имперских государств Восточной Европы: Османской империи, России, Австрии, Пруссии, Швеции и Речи Посполитой. В начале XVII века был момент, когда Россия могла и не пережить подобных политических столкновений. В 1603 году Польша вторглась в Россию, погрязшую в династическом кризисе и гражданской войне, и установила там свое марионеточное правительство. Но ожесточенные восстания русского народа против оккупантов увенчались успехом, и к 1613 году на троне утвердилась династия Романовых. Польша продолжала играть ведущую роль на протяжении XVII столетия – стоит привести известный эпизод с отправкой войска в осажденную армией османов Вену. Это событие, однако, знаменовало собой кульминационный момент как для Османской империи, так и для Польши. В течение XVIII века Пруссия, Австрия и Россия продолжали накапливать силы и территории, пока слабели Польша, Швеция и Оттоманская Порты. Русская армия в царствование Петра Великого (1682-1725) и Екатерины Великой (1762-1796) стала движущей силой этой коренной смены расстановки сил в регионе.

Успехам на севере Россия обязана Петру I. Северная война (1700-1721) дорого обошлась – как в финансовом отношении, так и в смысле людских потерь, – однако поражение Швеции позволило России аннексировать земли на восточном и юго-восточном побережье Балтики – эта территория простиралась от Санкт-Петербурга до Риги, а теперь принадлежит частью России, частью Эстонии и Латвии. Однако попытки Петра I добиться подобной победы на юге, сражаясь против Османской империи, провалились. Прошло еще полвека, прежде чем были достигнуты грандиозные цели на северных берегах Черного моря, где был одержан ряд побед над Портой и ее союзниками (например Крымским ханством) в 1760-е и 1770-е годы. В 1774 году Кючук-Кайнарджийский мирный договор закрепил эти приобретения, открыв для русской колонизации новые земли (сейчас это главным образом территория на юге Украины). Эти победы также позволили России продвинуться вдоль западного и восточного берегов Черного моря. Успехи на западе создали сухопутный коридор на Балканы, а на востоке победы не только над Османской империей, но и над Персией привели к аннексии Закавказья (Грузии, Армении и Азербайджана) к 1828 году.

Но самым существенным изменением стало полное крушение польского государства. В 1700 году Польша была одной из ведущих держав Восточной Европы, а уже в 1800 году прекратила существование. Двадцатилетняя война обернулась для поляков полным крахом. Во время войны шведские армии вторглись в Польшу, захватив в 1702 году Варшаву и принудив Августа II в 1704 году отказаться от престола. Русские войска вскоре прогнали шведов, и, когда в 1715 году Август II был восстановлен на троне, польское правительство попало в полную зависимость от русских [Prazmowska 2004: 119]. Но это марионеточное государство было огромным и простиралось от реки Одер на западе до реки Днепр на востоке, то есть от предместий Киева до Кракова и дальше, и включало в себя не только всю современную территорию Польши и Литвы, но и Беларусь и внушительные куски Украины, Латвии, Молдовы, Германии и России. Практически сразу же Австрия и Пруссия совместно с польской элитой бросили вызов доминированию России. Результатом этой борьбы стали три раздела Польши

(1772, 1793 и 1795), при этом Россия получила восточную часть Польши, а Пруссия и Австрия – западную. Территория бывшей Речи Посполитой почти полностью совпадала с территорией военных действия на Восточном фронте (см. карту 1).

История государств рассказывает лишь часть истории этих имперских окраин. Социальная динамика в регионе имела ничуть не меньшее значение. Классовая, религиозная и этническая принадлежность образовывали самые неожиданные переплетения. Очень часто дворянство и крестьянство говорили на разных языках. Германские землевладельцы в Балтийском регионе управляли государствами, населенными латышами, эстонцами и литовцами. Польские феодалы владели украинскими крепостными, русские дворяне-колонизаторы в XIX веке эксплуатировали польское крестьянство, и даже в России дворяне охотнее говорили на французском языке, чем на языке своих крепостных.

Карта 1. Имперские окраины в Восточной Европе

Этническая ситуация в торговле была столь же сложной. Армяне и греки играли значительную роль в торговой системе Османской империи, а евреи – такую же роль в России. Российская империя в основном ограничивала территорию проживания евреев чертой оседлости и ущемляла в правах владения землей, поэтому евреи почти исключительно занимались торговлей на огромных территориях региона, покупая и продавая товары крестьянам-славянам. Социальные конфликты – неизбежное следствие торговых связей – привели к усилению антисемитизма, процветавшего в Восточной Европе.

Религия играла большую роль не только в распространении антисемитизма, но и в более широком социальном и культурном контексте. В X веке сообщества язычников, населявшие регион, подверглись христианизации, в чем больше всех преуспела православная церковь, распространившая свое влияние из Греции через большую часть Восточных Балкан и Украину

на Россию. Государство-предшественник современных Украины и России – Киевская Русь – приняла православие в 988 году. А двумя десятилетиями ранее, в 966 году, Польша при Пястах приняла римское католичество. В последующие века ислам и протестантизм (в основном лютеранство) также нашли последователей в этом регионе. Религиозная принадлежность в еще большей степени, чем языковая или политическая, стала основой для самоидентификации большинства жителей региона в современную эпоху.

Наконец, важным моментом явилось то, что на большей части Российской империи вплоть до 1860-х годов существовало крепостное право. Владельцы крепостных (включая семью Романовых и Российское государство как таковое) занимались сельским хозяйством больше, чем промышленностью, и именно они ставили препоны образовательным инициативам, развитию гражданского общества и росту городов. Масштаб крестьянских волнений заставил их опасаться массовых движений и сопротивляться тенденции к гомогенизации общества, которая наметилась в зарождающихся национальных государствах Западной Европы. В результате важнейшие фундаментальные общественные движители национализма – начальное образование, средства массовой информации, промышленная экономика и всеобщая воинская повинность – начали развиваться в Российской империи только после отмены крепостного права. Одновременно с этим решение имперского государства предотвратить становление выборной местной власти и реформирование судебной системы на окраинных землях создало между «центром» и «периферией» империи существенные различия, гораздо менее ощутимые прежде¹⁰. Все это определяло медленное развитие антиимперских тенденций. Политизировать религиозные сообщества было трудно, сообщества, организованные по языковому принципу, разделяло пространство – физическое и социальное, а государство сознательно препятствовало работе механизмов мобилизации масс. В 1860 году было невозможно представить себе успешное движение за независимость латышей, эстонцев, литовцев или украинцев. Только поляки (в то время главным образом поляки Царства Польского, лишившегося литовского, белорусского и украинского населения бывшей Речи Посполитой) были способны на националистическое восстание и вновь и вновь эту способность демонстрировали, причем не только в сражениях, сопровождавших разделы Польши, но также в массовых восстаниях в 1830-1831 и в 1863 годах. Оба восстания испытали воздействие фактора, в конечном итоге определявшего неуспех движения за независимость, – мощи русской армии. Таким образом, когда крепостное право было отменено, костер национализма стало почти нечем разжигать.

Эта ситуация начнет меняться только в пятидесятилетний промежуток между упразднением крепостничества и развязыванием Первой мировой войны. Во всех великих империях Восточной Европы в этот период наблюдался существенный рост промышленности. Уровень образования рос даже в самых отсталых областях Российской империи. Все страны ввели всеобщую воинскую повинность (Россия сделала это последней в 1874 году), и миллионы молодых крестьян очутились в благоприятствующей росту национализма среде, а политические деятели придавали все больше значения растущему «обществу», которое грозило расшириться и охватить весь «народ».

Поэтому националистические движения в довоенную эпоху ширились достаточно быстро. Украинский национализм впервые заявил о себе в западной Галиции, владениях Габсбургов, однако националистическая деятельность тонкой прослойки образованной элиты вскоре пересекла границы с Российской империей. Точно так же, разными путями и с разной скоростью, национальная идея развивалась в современных Беларуси, Литве, Латвии, Эстонии, Финляндии, Грузии и Армении. Чиновники Министерства внутренних дел также озабоченно

¹⁰ [Morrison 2012: 341]. О неопределимости центра и периферии в Российской империи и попытках в конце XIX века более четко провести разграничение см. [Burbank and von Hagen 2007; Gorizontov 2007].

наблюдали «чрезвычайный подъем религиозного и национально-культурного самосознания» мусульманского населения¹¹.

Национализм нарастал как среди колонизированных народов периферии, так и среди русских. Российское государство стало самой обширной империей в мире в основном благодаря высокой степени гибкости управления новыми территориями и народами. Начиная еще с XVI столетия строители империи проводили политику кооптации местных элит и делегирования значительной доли политической ответственности, отводя роль культурного авторитета «местным вождям». Эта стратегия прекрасно подходила консервативной династической империи и сопровождалась «неединообразным и непостоянным управлением», которое было необходимо, чтобы иметь дело с «множественными социальными установлениями в рамках единого государства» [Burbank and von Hagen 2007: 15]. Однако непостоянное управление не означало его слабости. Напротив, методы, использованные, чтобы привязать этих посредников империи к самодержцу, были на удивление эффективны [Burbank and Cooper 2010: 193]. Во второй половине XIX века, однако, эти традиционные основы правления сотрясались в равной степени извне и изнутри. Среди элиты Российской империи в XIX веке усиливались националистические настроения, и с каждым прошедшим годом все громче становились призывы к тому, чтобы империя открыто провозгласила свою русскую природу, создала «Россию для русских» и «двинулась в сторону единства как нового государственного принципа» [Burbank and von Hagen 2007: 17].

И опять-таки эпоха Великой реформы, то есть отмены крепостного права, стала поворотной точкой. Восстание в Польше 1863 года явилось наиболее значительным катализатором перемен, поскольку именно оно убедило царя и его советников, что кооптация польской элиты невозможна. Польская шляхта никогда бы не подчинилась российскому правлению. Когда военные одержали верх, государство стало прилагать систематические усилия по истреблению высших классов – основы польского национализма. Казнив 400 лидеров восстания, царь Александр II отправил в ссылку более 20 000 дворян и конфисковал около 3500 принадлежавших им поместий. Русские чиновники управляли польскими университетами. Даже название «Польша» было заменено эвфемизмом «Привислинский край» [Kappeler 2001: 253]. Это было еще если и не русификацией, то, во всяком случае, сознательной деполонизацией культурной, экономической, социальной и политической элиты.

Восстание также вынудило государственных деятелей задуматься о том, как Великие реформы могут повлиять на имперскую власть. Что важнее всего, меры, предпринятые для улучшения образования и ослабления цензуры книг и периодических изданий, принудили русских империалистов напрямую обратиться к политическим аспектам языковых вопросов. Ответ, поиски которого беспорядочно и непоследовательно длились в течение 20 лет, состоял в том, чтобы принять на вооружение программу культурной русификации. Русификация вышла далеко за пределы Польши. Летом 1863 года правительство запретило книги, написанные на украинском языке. Министерство внутренних дел настаивало на том, что такого языка не существует и что обычные крестьяне в этом регионе – это русские, которые говорят на русском языке, просто на них в языковом смысле повлияли их соседи-поляки. В это время также развернулась широкая кампания по обращению католиков в православие, в результате чего почти 60 000 белорусских католиков были вынуждены принять новую веру. Эти репрессивные меры продолжились (а на самом деле усилились) в период царствования Александра III (1881—1894), составив основу новой политики русификации. Александр III распространил эту политику на северные территории, где нападкам подверглись привилегии немецкого дворянства в балтийских провинциях. Государство впервые сделало русский язык обучения, а немецкий университет в Дерпте подвергся русификации 1893 году [Kappeler 2001: 258].

¹¹ Письмо А. А. Макарова министру внутренних дел Н. В. Плеве от 13 августа 1912 года // [Арапов 2002: 61].

В определенных отношениях политика русификации увенчалась успехом. Усилия, направленные на то, что помешать националистически ориентированной интеллигенции общаться со своим народом в образовательных учреждениях и прессе, несомненно, сдерживали деятельность сторонников активных мер борьбы с колониализмом, которые старались сформировать массовые движения. В целом, однако, русификация оказалась контрпродуктивной. В 1860 году мало кто из представителей низшего сословия в Российской империи думал о своей этнической принадлежности как о факте, имеющем политическую важность. В той мере, в которой политика их занимала вообще, они больше интересовались вопросами социального положения и состояния экономики. Их политические оппоненты были местными обитателями, а вовсе не чиновниками из далекого Петербурга. В 1863 году, когда почти все польское дворянство и интеллигенция участвовали в восстании, крестьянство практически их не поддержало. Крестьяне в южных землях редко употребляли слово «украинский» как самоназвание, и большая часть прочих национальных движений застыла на стадии собирания фольклора и основания мелких национальных обществ. В 1860 году практически все национальные движения в Восточной Европе по-прежнему находились на очень ранней стадии культурного пробуждения¹². В отсутствие столкновения между двумя явно политизированными национальными движениями – польским и русским – трудно представить себе серьезный националистический вызов трону Романовых, который мог бы иметь хоть какой-то шанс на успех.

По большому счету, русификация была для националистов настоящим подарком. Она предоставила конкретную политическую программу, вполне понятную для соотечественников, стоящих на разных ступенях социальной лестницы. Русификация посягала на церкви, языки и школы в тот самый момент, когда Великие реформы создали благоприятные условия для формирования социальных основ национализма. Почти сразу же во всем регионе стали развиваться все более успешные национальные движения, переходящие от сбора культурного наследия к политической агитации. Эта агитация совпала с аналогичными попытками достучаться до «народа» со стороны либеральной интеллигенции – группы, взгляды которой в течение последних двух десятилетий XIX века все более сдвигались от народничества к марксизму. Таким образом, социализм и национализм разделяли ряд общих целей, и несколько разных групп экспериментировали в поисках верного баланса – это были как стремящиеся к независимости социал-демократические меньшевики в Грузии, так и Польская социалистическая партия (ПСП) во главе с Юзефом Пилсудским. Национализм и социализм в этот период развивались в некоем симбиозе.

Оба движения получили дальнейшее развитие в последнее предвоенное десятилетие. Революционные события 1905 года четко продемонстрировали способность политиков националистического толка мобилизовать толпу. Почти все показатели участия в политической деятельности и революционного насилия были выше на окраинах, чем в Центральной России. Большинство этих действий было направлено против царизма – интенсивные силовые конфликты между армянами и азербайджанцами привели к гибели тысяч людей, а по западным землям империи, к примеру, прокатилась волна еврейских погромов. В Польше и Грузии происходило больше бунтов, больше восстаний и больше казней, чем в других частях империи [Karpeleer 2001: 333].

Революция 1905 года также заложила основу для дальнейшего структурного развития национализма. Что важнее всего, учреждение в империи парламента (Думы) открыло возможности проведения открытых политических кампаний и создания националистических политических партий [Burbank, von Hagen and Remnev 2007:366-367]. И здесь опять лидировала Польша – в ПСП в 1906 году вступило более 50 000 человек. Однако националистическая агитация имела место практически повсеместно. Россия не была исключением. Важнейшая

¹² Согласно формулировке Мирослава Хроха, почти все они находились в Фазе А национального развития [Hroch 1985].

политическая фигура периода думской монархии, председатель Совета министров П. А. Столыпин непрерывно в поисках поддержки обращался к русскому национализму, проводя политику, благоприятную для становления «Великой России», но в то же время дистанцировался от крайне правых русских националистов. Русские националисты правого толка, как радикалы, так и консерваторы, также открыто старались побороть напряженность между империей и нацией в последнее предвоенное десятилетие [Лукьянов 2006: 36-46].

Итак, во многих отношениях казалось, что на территориях колоний, располагавшихся по краям империи к 1914 году, пришло время для вызревания движений за независимость. Во всем регионе имелись националистические элиты, население начало рассматривать мир сквозь призму национализма, а политики создавали конкретные политические программы и политические партии. Но, несмотря на все это, политическая независимость поляков, не говоря уже об украинцах, латышах или грузинах, была почти так же далека, как и в 1860 году. Ни одно из этих движений даже близко не подошло к обретению политической и военной мощи, необходимой для того, чтобы одержать верх над Российской империей. Восстания в 1905 году доказали это так же верно, как и провалившиеся бунты 1830 и 1863 годов. Российское государство было сильным и продолжало укрепляться, а империализм обретал все большую популярность среди российской общественности, влияние которой постепенно возрастало. Политическая программа Столыпина для западных окраин, нацеленная на укрепление государства, включающая последовательную русификацию, доказала жизнеспособность русского империализма на закате его существования. Действительно, период парламентаризма представлял собой своеобразный тип кооптации элиты. Представители национальных кругов, получая должность и отправляясь в Санкт-Петербург, учились работать в рамках системы. Они, как никто другой, знали, насколько тщетным может быть вооруженное восстание, и, как правило, старались добиваться автономии постепенно, принимая правила игры метрополии и рассчитывая использовать выгоды от близости Германской и Австро-Венгерской империй. Мало кто из националистов, приветствовавших новый, 1914 год, мог предвидеть, что всего через четыре года их шансы на независимость неизмеримо возрастут. Был необходим внешний катализатор деколонизации.

Балканский пролог: начало Первой мировой войны

Случилось так, что таким внешним катализатором стал Балканский полуостров, где соперничество империй достигло кризисной фазы, а процесс деколонизации перешел в стадию зрелости. Последние исследования положили начало процессу возвращения истории Балкан центрального места в истории Великой войны, и не без причины. Как заметил Алан Крамер, хорошо задокументированный факт, что внутри каждой из великих держав были лица, заинтересованные в развязывании войны, «не объясняет, почему война началась в 1914, а не в 1910 или 1918 году или почему она стала войной европейского и мирового масштаба». Ответы, заявляет Крамер, нужно искать на Балканах¹³. События на полуострове в начале века развивались очень стремительно. Успешный переворот, совершенный радикальными сербскими националистами в 1903 году, и масштабное восстание против османского правления в Македонии в том же году существенно поменяли политический ландшафт на суше, в основном за счет демонстрации мощи антигабсбургских и антиосманских настроений. Ослабление России после Русско-японской войны и революции 1905 года еще раз трансформировало международный баланс сил. Летом 1908 года революция младотурков в Македонии привела к дальнейшей дестабилизации султанского режима, после чего многие стали ожидать крупных политических преобразований во всем регионе.

Ширящийся коллапс Османской империи побудил российского министра иностранных дел А. П. Извольского начать рискованную игру с невыгодной позиции. По Берлинскому трактату 1878 года Габсбурги на 30 лет оккупировали Боснию и Герцеговину, и всем великим державам были известно, что Австро-Венгрия мечтала осуществить аннексию этой области после истечения срока действия трактата в 1908 году [Clark 2013: 83]. Извольский, зная, что его слабеющая армия не в состоянии этому помешать, решил усилить свою позицию, предложив согласиться на аннексию Боснии Австро-Венгрией, если Габсбурги не станут вмешиваться в планы России расширить доступ и влияние в проливах Босфор и Дарданеллы. Однако заявление об аннексии Боснии вызвало такой гневный отклик российской (и сербской) общественности, что Извольскому пришлось пойти на попятный и публично осудить аннексию, которую он только что втайне одобрил. Россия отдала приказы о частичной мобилизации и забряцала оружием, что не произвело ожидаемого эффекта. В марте 1909 года Германия пригрозила одновременно развязать военные действия и раскрыть закулисную дипломатию Извольского. Французы, как и ожидалось, проявили мало готовности развязывать войну на континенте ради укрепления морской мощи России или спасения репутацию Извольского. Не имея возможности положиться на союзников, на свою все еще ослабленную армию и даже на собственного министра иностранных дел, Россия отступила. Среди отрезвляющих уроков кризиса было и то, что Австрия получила более весомую поддержку от Германии, чем Россия от Франции и Британии. В результате русские специалисты по международной политике, как ни парадоксально, еще сблизились с Балканскими странами, на которые, как они надеялись, можно было в большей степени полагаться в непростые времена [Rossos 1981]. В то же время «почти беспрецедентные дебаты» по вопросу имперской политики сыграли большую роль в становлении политического строя после 1905 года, чем думские деятели и «общественное мнение» [Rossos 1981:8]. Как следствие, российская политика стала еще в большей степени исходить из романтических воззрений на нацию и империю, разделяемых большей частью образованной элиты.

Успех австрийской дипломатии привел к тому, что Россия была унижена, а Сербия разоружена. Отношения последней с империей Габсбургов становились все хуже, к тому же Сер-

¹³ [Kramer 2007: 72]. Кристофер Кларк идет еще дальше, развивая сделанное наблюдение, и посвящает большую часть первых разделов своей книги об Июльском кризисе исследованию истории Балкан. См. [Clark 2013].

бия увязла в безнадежной таможенной войне с ней. Мечты о Великой Сербии зависели от того, удастся ли присоединить Боснию, Македонию и Албанию (которая также являлась частью Османской империи).

Аннексия Боснии продемонстрировала стабильное могущество Австро-Венгрии в регионе, но ничем не поддержала турок. Россия была усмирена, Габсбурги довольны, и молодые балканские государства взяли на себя ведущую роль в решении «восточного вопроса», инициировав интенсивную волну действий по деколонизации. Болгария, функционально независимая с 1878 года, воспользовалась слабостью Порты, потребовав полной независимости и официального признания, которые и получила после скоропалительных трехсторонних финансовых переговоров с Петербургом и Стамбулом в 1908 году [Thaden 1965:39]. В 1910 году князь Никола Черногорский провозгласил себя конституционным монархом и стал проявлять больше активности в соседних османских регионах Албании. Албания, долгое время являвшаяся многонациональной и многоязычной провинцией на окраине Османской империи, стала великолепной площадкой для подобной авантюры. Король Никола пообещал населению Северной Албании (состоявшему в основном из католиков), что поддержит их восстание против Турции, и такое восстание действительно вспыхнуло в 1911 году. Турки ответили с позиции силы, и Никола разрешил повстанцам, уступающим противнику в численности, пересечь границу, чтобы скрыться в его владениях. Турки грозили сами нарушить границы и атаковать повстанцев – это означало бы войну. Посредничество России помогло предотвратить военный конфликт: русские дипломаты умерили воинственность короля Черногории и принудили турок к значительным уступкам албанским повстанцам – Албании была обещана широкая автономия – так что те вернулись домой, чувствуя себя отомщенными и не опасаясь риска преследования. Это был не первый и не последний раз, когда политические игроки на Балканах способствовали осуществлению перемен в ускоренном темпе, выходящем далеко за рамки желаний их номинального патрона – России. Российское Министерство иностранных дел было вынуждено реагировать на свершившиеся действия, предпринятые без его поддержки, а зачастую – даже неведомо для него.

Этот кризис разрешился не раньше, чем турки были принуждены к дальнейшим территориальным уступкам, и на этот раз игроком более крупным, чем Черногория. В конце лета 1911 года Италия оккупировала османскую провинцию Триполи в Северной Африке, а в сентябре того же года Османская Порта объявила войну. Итало-турецкая война немедленно поменяла политические расчеты балканских политиков. Лидеры Сербии, Болгарии, Черногории и Греции, с опаской следившие друг за другом большую часть последнего десятилетия (в частности, в Македонии), теперь быстро заключили ряд двусторонних военных и политических союзов. В марте 1912 года Сербия вступила в союз с Болгарией. В мае 1912 года греки и болгары сделали то же самое. В конце лета Черногория присоединилась к ним, заключив ряд устных и письменных соглашений, которые были окончательно ратифицированы 13 сентября – 2 октября, менее чем за неделю до объявления Черногорией войны Османской империи. Итогом всех этих соглашений стал альянс, получивший название Балканский союз или Балканская лига.

Россия, долгое время желавшая подобного альянса, чтобы уравновесить мощь Австро-Венгрии на полуострове, оказала значительную дипломатическую поддержку при формировании Балканской лиги. Однако по мере хода переговоров беспокойство российских представителей начало усиливаться. Министерство иностранных дел знало, что Россия ни в военном, ни в дипломатическом отношении не готова к балканскому конфликту, и постоянно напоминало подконтрольным России странам на Балканах, что все эти новые альянсы должны быть чисто оборонительными по своей сути. Болгарский министр финансов информировал Извольского (которого понизили в должности, сделав в 1910 году послом во Франции), что Россия должна предоставить Болгарии «свободу действий» в такой благоприятный момент, когда Османская империя была слаба. Извольский должным образом предупредил своего шефа С. Д. Сазонова

о том, что новый военный союз между Сербией и Болгарией оказался по сути наступательным альянсом [Кострикова 2007: 196-197].

Окончательный крах османской мощи в Европе, который так долго предсказывали, на этот раз казался неминуемым. Влиятельные европейские политики были встревожены подобным развитием ситуации, обещавшей дестабилизировать отношения между великими державами. В частности, для России и Австро-Венгрии победа в столкновении с Юго-Восточной Европой означала сохранение престижа и мощи в будущем, в то время как поражение могло бы привести к выходу из клуба имперских тяжеловесов и одновременно к существенному подрыву перспектив их союзников. Оглядываясь назад, легко понять, почему дипломатов так тревожило развитие событий. Война на Балканах могла привести к формированию нового имперского порядка. Чего дипломаты не видели, так это вероятности, что Балканские войны могут положить начало эпохе конфликтов, которые не просто разбалансируют существующую систему взаимоотношений имперских держав – они уничтожат целиком. Авторитетные старые державы продолжали относиться к новым балканским нациям как к детям, хотя к тому времени, согласно знаменитому высказыванию царя Николая II, на них уже смотрели как на «благонравных подростков... которые выросли и превратились в упрямых хулиганов» [Clark 2013: 275].

Оказалось, что у этих «хулиганов» есть сильные и эффективно действующие армии. В 1912 году они быстро обратили в бегство силы Османской Порты. Греческие войска взяли Салоники буквально за несколько часов до прибытия болгар. Войска Черногории продвинулись на юг вдоль побережья Адриатики. Сербские силы вошли в Западную Македонию, а болгары оттеснили османов практически обратно до самого Стамбула. Эти быстрые успехи вызвали лихорадочную активность великих держав. Однако, в отличие от 1878 года, когда великие державы, не участвовавшие в военных действиях, получили выгоду от Балканских войн, самое большее, что они могли сделать на данном этапе, это сдержать амбиции сербов на Адриатике, настояв на образовании независимой Албании. Вторая Балканская война разразилась в 1913 году, когда Болгария, охваченная возмущением на фоне сербских успехов в Македонии, предприняла непродуманную атаку на своего прежнего союзника. Вторая Балканская война продлилась недолго, так как все соседи Болгарии набросились на нее как коршуны, отхватывая себе куски ее территорий.

Две Балканские войны устранили османский фактор из балканского политического уравнения, однако, с точки зрения сербов, эти войны лишь накалили эмоции относительно австро-венгерского правления в регионе. Все сербские политики знали, что сведение счетов с империей Габсбургов невозможно без мощной поддержки со стороны России, и сербское правительство предпринимало все усилия, чтобы поддерживать прекрасные взаимоотношения со своим великим восточным союзником. Даже австрофилы, такие как бывший премьер-министр Сербии Владан Георгиевич, убеждали прибывающих с визитом российских военных, что «весь народ Сербии» поднимется против Австрии, одновременно упрекая их за «робость и колебания в российской политике» [Мартынов 1913: 13-14]. И все же большинству сербских лидеров было известно, что их истощенной армии требуется время для восполнения сил, а им самим – период мира, чтобы упрочить свои достижения [Lyон 1997: 499]. Премьер-министр Никола Пашич был убежден, что в интересах Сербии Австрия должна оставаться региональным игроком еще на протяжении 25 лет, поскольку это даст Сербии время для упрочения своих достижений на юге [Писарев 1990:30]. Даже центральный исполнительный комитет радикальной националистической группы «Черная рука», узнав заблаговременно о тщательно скрываемой операции по убийству Франца-Фердинанда, которую планировали члены группы, попытался помешать этому плану. Как отмечал Иоахим Ремак,

члены Комитета не были такими уж щепетильными – многие из них были среди цареубийц 1903 года, и все они были довольны, что

пансербская идея оправдывала насилие. И все же, будучи поставлены перед необходимостью осуществления этого убогого плана убийства австрийского престолонаследника, они отрезвели, поскольку ясно было, что тем самым они, возможно, развяжут войну [Remak 1959: 77].

В самом деле, Пашич был настолько встревожен перспективой спровоцировать Австрию, что, узнав, что молодые люди, вооруженные бомбами и пистолетами (и среди них Таврило Принцип), тайно пересекли границу, дал указание своим подчиненным остановить их и в дальнейшем не позволять таким бандам появляться в Боснии накануне визита эрцгерцога [Dedijer 1966: 390; Clark 2013: 57]. Но ни вожди «Черной руки», ни глава правительства Сербии не хотели выдавать своих товарищей и самого факта, что им известно о плане покушения, и предупредить австрийцев – не в последнюю очередь потому, что не горели желанием выступать на стороне австрийских властей, предпочитая молодых национал-радикалов¹⁴. Пашич, по мнению К. Кларка, обладал «высокой чувствительностью к общественному мнению, потребностью поддерживать взаимопонимание с сербской нацией, для дела которой он трудился и терпел лишения» [Clark 2013:19]. Все, что мог сделать центральный комитет, – это приказать идейному вдохновителю заговора, полковнику Драгутину Димитриевичу, связаться с его подчиненными и дать отбой. Но полковник этого не сделал.

15 (28) июня 1914 года выстрелы Принципа положили начало Третьей Балканской войне, принеся смерть Францу-Фердинанду и его жене Софии в боснийской столице Сараево. Убийство Франца-Фердинанда было не просто поводом к уже неизбежной войне. Оно затронуло и лидеров, и граждан Европы на самых разных уровнях. Конечно, как всегда, существовал вопрос соперничества империй. И еще это был пример нескоординированной акции небольшой группы «силовых предпринимателей». Как мы видели, заговор вовсе не был частью генерального освободительного плана сербских элит, которые не желали вести свою потрепанную армию на поле боя, надеясь на российскую военную машину, в тот момент находившуюся в стадии значительных преобразований. Но важным являлось то, что Июльский кризис начался с террористического акта, совершенного заговорщиком, который был связан с воплощенным представителем процесса деколонизации – Сербией – ради дела Великой Сербии. Реакция многих видных игроков, в частности кайзера Вильгельма, была чисто инстинктивной: убийцы – это дикари, а Сербию надо поставить на место¹⁵.

Радикальные сербы не рассматривали этот акт как варварский. Напротив, они приветствовали его дерзкое, жертвенное мученичество, считая его разумным и результативным примером того, что мы сегодня назвали бы асимметричным силовым ответом угнетенной стороны имперской машине, в распоряжении которой было гораздо больше ресурсов. В России эмоции по поводу убийства были смешанными (причем зачастую – у одних и тех же лиц), однако в Германии и Австрии отвращение к совершенному убийству помогло сторонникам войны одержать победу в весьма напряженных баталиях в среде политической элиты. Важность дискурса о зверствах понимал даже сам убийца, Таврило Принцип, который во время допросов и судебного процесса стоял на том, что убийство Франца-Фердинанда было легитимным политическим актом. Но Принцип убил также супругу эрцгерцога Софию. Когда его спросили, почему он это сделал, он заявил, что целился в генерала Потioreка (наместника Боснии и Герцеговины, командовавшего расквартированными там войсками, который ехал в том же автомобиле), но его толкнули, когда он стрелял. Почти наверняка это была правда. И все же большую часть времени он не придавал особого значения смерти Софии, считая ее примером допусти-

¹⁴ [Dedijer 1966: 395]. Имели место серьезные дискуссии по вопросу о том, действительно ли Пассик пытался предупредить австрийцев о заговоре общими словами или напрямую. Дедиер считает, что нет, а Кларк – что да.

¹⁵ См. заметки кайзера на двух важных меморандумах от июня и июля 1914 года, лейтмотив которых (т. е. «С сербами нужно расправиться, и немедленно!») не оставлял сомнений в министерских умах, что кайзер желал войны. Перевод этих меморандумов см. [Geiss 1967: 60-61, 106-107].

мого сопутствующего ущерба. На суде, однако, выяснилось, что последними словами Франца-Фердинанда была мучительная и тщетная мольба: «София, милая! София, милая! Не умирай! Живи для наших детей!» После этого свидетельства взволнованные члены суда объявили короткий перерыв, чтобы стороны могли вернуть себе присутствие духа. Один из защитников во время перерыва подошел к обычно невозмутимому Принципу и спросил, задело ли его это свидетельство. Принцип в смятении воздел руки со словами: «По-вашему, я зверь?» [Remak 1959: 222].

К моменту суда над Принципом в октябре 1914 года практически вся Европа уже задала себе этот вопрос, и ответы были различными. Действительно, это стало вопросом, который можно было задавать многим другим европейцам в грядущие годы, когда вопросы террора и жестокости приобрели такую значимость. Почва для обвинений в варварстве в Бельгии, Франции, Восточной Пруссии, Галиции, Армении и самой Сербии была хорошо удобрена. Неизбежна была не война как таковая – неизбежностью являлось то, что, будучи развязанной, она стала войной «за цивилизацию», в которой жестокость играла центральную роль. Не менее важно, что радикальный поступок Принципа обнажил зыбкую взаимосвязь между соперничеством империй и антиколониальной активностью в тот момент, когда и то и другое грозило колоссальным взрывом. Процесс деколонизации на Балканах перешел в стадию зрелости к июню 1914 года. Австрийское вторжение в Сербию в июле не только придало международный характер конфликту между двумя государствами, но и позволило процессу деколонизации во всей Восточной Европе зайти дальше стадии «вызов, брошенный империи».

1. Начало войны и преобразование окраин

В июне 1914 года под Петербургом запылали лесные пожары. Столицу заволокло дымом горящих деревьев и торфяников так, что было трудно дышать [Френкель 2007: 79]. Среди клубов густого дыма новости об убийствах в Сараево 15 (28) июня 1914 года застали российских политиков врасплох. Премьер-министр Сербии Никола Пашич сразу заверил Санкт-Петербург, что сербские власти не имеют отношения к убийству, и правительство России приняло его слова на веру. Действительно, российские чиновники, как и большинство европейских лидеров, не считали вероятным, что совершенное преступление может развязать войну. Только несколько недель спустя, 10 (23) июля, Июльский ультиматум обнажил всю серьезность кризиса [Jelavich 1991: 291-295]. Австрия потребовала запретить антиавстрийскую пропаганду, арестовать всех, кто связан с заговором (включая двух главных заговорщиков – Воислава Танкосича и Милана Цигановича), и дать объяснения враждебным к Австро-Венгрии высказываниям сербских властей. Было и еще одно вызывающее требование к Сербии – «дать согласие на то, чтобы органы Императорского и Королевского Правительства (Австро-Венгрии) способствовали в Сербии подавлению подрывных движений»¹⁶. Это шокировало многих наблюдателей, включая британского министра иностранных дел Эдварда Грея, как неприемлемое нарушение сербского суверенитета, и Вена, по сути, рассчитывала, что сербы отвергнут ее требования¹⁷. Ультиматум положил начало интенсивной военной и дипломатической активности, которая продолжалась неделю. 13 (26) июля царь отдал приказ о переводе военных округов на европейской территории России в режим подготовки к войне¹⁸. Этот процесс ускорился в свете новостей о том, что Австрия 15 (28) июля объявила Сербии войну. Тогда царь начал частичную мобилизацию четырех военных округов для отправки войск в Австрию. Большинство советников Николая II на тот момент считали, что война с Германией неизбежна, и побуждали царя объявить всеобщую мобилизацию как из принципиальных соображений, так и по причинам технического характера, однако Николай II вплоть до 17 (30) июля не оставлял надежды. Только тогда он наконец согласился с необходимостью всеобщей мобилизации. На следующий день военные чиновники разослали оповещения о призыве по всей империи. Всеобщая мобилизация началась в полном объеме¹⁹.

Однако российская общественность нацелила свое внимание на разразившийся международный кризис всего за несколько дней до объявления мобилизации. Ведущая российская пресса, особенно общедоступные газеты, которые читала не только образованная элита, к примеру «Газета-копейка» и «Русское слово», сосредоточились на новостях об австрийском ультиматуме, так что читающая публика начала узнавать об опасности начиная с 11 (24) июля [Lohr 2004: 101]. Те, кто не принадлежал к этой «публичной сфере», поняли, что война неизбежна, только после объявления мобилизации. Последовавшая реакция на новости о надвигающемся конфликте различалась, но была неизменно сильной. Во многих областях страны проходили массовые патриотические демонстрации, хотя случались и выступления против мобилизации [Sanborn 2000: 267-289]. Пессимисты ожидали, что немцы войдут в Петроград к сентябрю, а

¹⁶ Текст ультиматума можно найти в [Mombauer 2013:291 -295].

¹⁷ [Clark2013:451-457]. Кларк, однако, также отмечает, что требование совместного расследования было не столь ужасно, как это могло показаться, поскольку суверенитет был чисто условным в условиях радикального перетасовывания границ на Балканах в последние годы.

¹⁸ Генерал-лейтенант А. С. Лукомский, секретная телеграмма командующим военных округов на европейской территории России от 13 июля 1914 г. См. [Восточно-Прусская операция 1939: 75].

¹⁹ Копии телеграфных лент с телеграммами о мобилизации, направленными в военные округа, можно найти в РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1154.

оптимисты как в верхах, так и в низах общества полагали, что скорая победа позволит русским посчитаться с тевтонцами на их границах²⁰.

Это была война, которой российские политики, и в первую очередь Николай II, надеялись избежать или, по крайней мере, отсрочить. В отличие от своих немецких коллег, российские военные также предпочитали дипломатическое решение в надежде, что Вену можно принудить отказаться от ее максималистских позиций в отношении Сербии. Высшие офицеры заняли жесткую позицию только после того, как были неприятно удивлены первым приказом Николая II, который поставил крест на их мобилизационных планах, чтобы частично мобилизовать четыре военных округа против Австрии²¹. Поскольку все в Европе полагали, что ход российской мобилизации может оказаться проблематичным даже при идеальных условиях, Генеральный штаб едва ли мог быть доволен, что ему с самого начала ставят палки в колеса. На следующий день штабная элита успешно продавала отмену этого приказа и принятие приказа о всеобщей мобилизации, однако она по-прежнему опасалась, что путаница в четырех важнейших округах, о которых шла речь (Киевском, Одесском, Московском и Казанском), перечеркнет амбициозный план подготовиться к военным действиям в течение 15 дней. Определенное недопонимание действительно имело место. Военный министр В. А. Сухомлинов получил жалобы от некоторых резервистов, видевших только первое объявление, на то, что их призвали незаконно, а командующий Туркестанским военным округом был настолько сбит с толку, что телеграфировал в Петербург с вопросом, следует ли ему отправляться на юг и начать военные действия «на другом фронте»²².

Но первые неверные шаги не слишком сильно повлияли на мобилизацию. Согласно графику было призвано почти четыре миллиона человек, и 1-я армия генерала Павла фон Ренненкампа пересекла на марше границу с Германией в течение 15 дней после мобилизации, как и было обещано французским союзникам. 1-я армия была в достаточной степени готовности, чтобы всего через девять дней победить в первом крупном сражении на Восточном фронте под Гумбинненом, хотя не весь личный состав и снаряжение оказались в наличии к этому моменту. Принимая во внимание решение Центральных держав послать крупные войска в другие места (в Бельгию, Францию и Сербию) в первые дни войны, Россия получила численное превосходство и (как считалось в тот момент) преимущество в виде наступательной позиции и возможности вести военные действия на территории противника. Проблемы, с которыми вскорости столкнулась армия, не были связаны с графиками мобилизации.

Реакцию России на объявление войны можно назвать в равной степени успешной, принимая в расчет негативный отклик в обществе и сложности мобилизации, которые ассоциировались с Русско-японской войной. Даже скептически настроенные наблюдатели были поражены разницей хода двух мобилизаций, которые разделял десяток лет [Лемке 2003, 1: 13]. 24 из 25 резервистов откликнулись на призыв правительства; армия и власть получили поддержку всего общества [Pearson 1977]. Но, как я отмечал в другой работе, эта публичная демонстрация лояльности не означала подъема настроений в отношении войны как таковой. Многие жители бурно протестовали против войны и мобилизации людей (и лошадей), однако в большинстве своем общество в период мобилизации выражало поддержку правительству. Мощь толпы в те дни вылилась потоком на улицы – несколько пугающее, но одновременно опьяняющее ощущение участников тех событий. Правительство, памятуя о событиях 1905 года, с удовлетворением созерцало толпы, не намеренные совершить революцию. В ретроспективе становится очевид-

²⁰ [Лемке 2003, 1:9-10]. Санкт-Петербург был переименован в Петроград 18(31) августа 1914 года, чтобы дать столице менее германизированное и более славянское имя.

²¹ Самое лучшее повествование о пути России к войне – это по-прежнему [Lieven 1983].

²² Стиркас Е., Новенков С. и Шурдюк А. Телеграмма военному министру от 19 августа 1914 г. РГВИА. Ф. 2000. Он. 3. Д. 1159. II. Л. 55-56. Генерал Пославский. Телеграмма в Мобилизационный отдел от 20 июля 1914 года. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 3. Д. 1194. II. Л. 143-143 об.

ным, что в российской политике произошло изменение. Массовые патриотические демонстрации ширились, толпы крестьян валили во временные библиотеки, чтобы прочесть военные сводки, издатели публиковали материалы о героических поступках обычных россиян, и сам царь, казалось, вскоре понял, что ничто более не будет как прежде. Однако сквозь эти горячие картинки проступало подводное течение: молчаливая напряженность и осознание того, что на российском политическом ландшафте возникла новая могущественная сила [Sanborn 2000; Seregny 2000: 290-315; Jahn 1995].

Первые месяцы войны

19 июля (1 августа) Германия объявила войну России и сразу же занялась подготовкой войск к оборонительным действиям, а Россия начала защиту с наступления по двум направлениям – на Германию и на империю Габсбургов. Подобное смешение обороны и нападения стало одной из главных отличительных характеристик военной и дипломатической ситуации в 1914 году. Каждое из государств трактовало собственные действия как оборону. Но каждое государство также полагало, что лучшее средство обеспечить свою безопасность – это нападение. Габсбурги, опасаясь сторонников деколонизации на Балканах, потребовали войны, получили ее и вторглись в Сербию. Германские военачальники, в частности Хельмут фон Мольтке, выражали беспокойство по поводу растущей российской мощи и требовали от статс-секретаря Министерства иностранных дел Готлиба фон Ягова весной 1914 года начать «превентивную войну, чтобы одержать верх над противником, пока у нас есть неплохие шансы на победу»²³. Россия, со своей стороны, вела себя сходным образом. Будучи убежденными, что немцы планируют низвести империю до уровня второсортной державы, военные стратеги и политические деятели вознамерились ответить на угрозу масштабным вторжением.

Почему страна, ощущавшая себя столь уязвимой, приняла такую рискованную стратегию? Первый ответ на этот вопрос кроется в географии. Российская Польша находилась между Восточной Пруссией, принадлежавшей Германии, и австрийской Галицией. Едва ли такую стратегическую позицию можно было считать прочной. Либо русские армии должны были использовать Польшу как плацдарм для нанесения ударов по флангам противников, вынуждая их отступать, либо им самим пришлось бы, в свою очередь, оставить занимаемую территорию, чтобы войска не оказались в окружении еще до начала войны. Второй – это проблема снабжения. В канун XX века эксперты российских тыловых служб, составляя планы военных действий в Восточной Европе, высчитали, что им понадобится 57 суток, чтобы доставить месячный запас пищевого довольствия в зону военных действий. Еще немного, и армии пришлось бы либо голодать, либо переходить на подножный корм. Командование считало, что лучше разорять вражескую территорию, чем обирать собственное население, и боевые действия на территории противника казались лучшим вариантом [Fuller 1992: 390]. В-третьих, российские военные и политические деятели были в той же степени привержены культу наступления, что и вся остальная Европа. Как и многие другие, они осознавали ужасающую мощь современного оружия, что привело их отнюдь не к выводу о самоубийственности масштабных действий пехоты – скорее к выводу о необходимости масштабного наступательного порыва и самопожертвования. А боевой дух подобного рода, как они считали, лучше всего формируется в наступательных сражениях. Наконец, существенным было заключение альянсов. России требовалось, чтобы Франция вступила в войну, и ценой, которую предстояло заплатить за этот альянс, была готовность ослабить давление на Западный фронт (куда, как справедливо полагали русские и французские военные планировщики, будет направлен главный удар Германии). Это означало не только отказ от стратегии, которая предусматривала ограничение вторжения в Австрию, но и обязательство осуществить вторжение в Восточную Пруссию в течение 15 дней после начала мобилизации, то есть за 10 дней до того, как все войсковые части полностью окажутся на месте²⁴.

Вследствие всех этих обстоятельств Генеральный штаб быстро отказался от осмотрительного (и, возможно, более дальновидного) стратегического Плана 19, принятого в 1910 году, по

²³ Цит. по: [Mombauer 2001: 172]. Более подробный контекст данной цитаты приводится в том же издании на с. 172-174.

²⁴ Ожидалось, что полная мобилизация займет 26 дней, или 46 дней, если принимать в расчет войска из Центральной Азии и с Кавказа [Menning 2004: 224].

которому Россия намеревалась оставить свои дорогостоящие крепости в Центральной Польше, отойти в начале конфликта на укрепленную линию, представленную в первую очередь крепостями Ковно, Гродно, Белосток, Брест, и консолидировать свои войска для недель массированного контрнаступления после начала боев [Menning 2004: 222]. В 1912 году План 19 был заменен на новый План 19 А, имевший два варианта – А и Г. Вариант Г представлял собой план действий в особой обстановке, разработанный на тот случай, если немцы начнут войну с массированного нападения на Россию, а не на Францию. Поскольку немцы, как и ожидалось, начали наступательные действия на западе, Генштаб в итоге привел в действие вариант А. Официальной задачей этого плана, даже в совершенно секретных документах, значился «переход в наступление против вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии с целью перенесения войны в их пределы» [Ростунов 1976: 92], как будто бы заранее предполагалось, что немцы получат преимущество в первых сражениях. Генштаб вновь прибег к этой логике в марте 1914 года и дал в целом точную оценку вероятного состава сил, нацеленных на Россию в случае войны. Как ожидал генералитет, «весьма значительные силы» перейдут границу до того, как Россия завершит мобилизацию. Также предполагалось, что вовлеченность Германии в конфликт с Францией и Англией обеспечит русским войскам благоприятную обстановку «для скорейшего перехода в наступление»²⁵. Ожидая такого контрнаступления, генералы ставили завоевательные цели перед своими войсками с самого начала конфликта. 1-я и 2-я армии должны были окружить германские войска в Восточной Пруссии в районе Мазурских озер, в то время как 3-я, 4-я и 5-я армии должны были вторгнуться в австрийскую Галицию, соединившись на линии Львов – Перемышль, и предотвратить отступление австрийских войск либо за Днестр, либо к Кракову (см. карту 2) [Восточно-Прусская операция 1939:92-95]. Эта стратегия была реализована в августе 1914 года.

²⁵ Выдержки из записок Главного управления Генерального штаба о вероятных планах тройственного союза против России по данным на 1 марта 1914 г. // [Восточно-Прусская операция 1939: 70].

Карта 2. Русские войска в Польше. План 19 и 19 А

Война началась согласно плану. Две армии осторожно испытывали друг друга первые несколько дней, пока империи перебрасывали миллионы солдат в зону военных действий. Каждая сторона посылала разведчиков через границу для сбора сведений; происходили мелкие столкновения. Немецкие войска предпринимали походы вниз по течению Вислы, русская кавалерия предприняла несколько вылазок, случилось несколько стычек между патрулями [Богданович 1964: 45; Кпox 1921, 1: 41].

Самым значительным военным событием первой недели стала оккупация и последующее разграбление немцами приграничного города Калиш 20-21 июля (2-3 августа), о чем будет рассказано далее в этой главе, а также оккупация города Ченстохов (с его знаменитой католической святыней), однако эти нападения бледнели в сравнении с войной, которая разгоралась на Западном фронте. Пока Франция и Бельгия отходили от шока первых баталлий, русские под руководством своего главнокомандующего-франкофила, великого князя Николая Николаевича¹¹, спешили с мобилизацией. 28 июля (10 августа) генерал Н. Н. Янушкевич (начальник штаба Верховного главнокомандующего, или Ставки) телеграфировал генералу Я. Г. Жилинскому (командующему Северо-Восточным фронтом), указав, что и 1-я, и 2-я армии должны быть в состоянии боеготовности к 12-му дню мобилизации: следовало ослабить давление на западных союзников. Далее он требовал от Жилинского обеспечить надежные коммуникации между двумя армиями, чтобы наступление, которое велось с обоих флангов, завершилось охва-

том немецких войск в Восточной Пруссии²⁶. Жилинский отвечал, что, хотя некоторые части будут готовы к действиям, другие по-прежнему остаются на марше и добираются до намеченных позиций. Он предполагал, что полномасштабное наступление может состояться только на 20-й день мобилизации²⁸. В этом случае график вторжения отражал как желание быстрее атаковать, так и необходимость дальнейшей мобилизации до того, как можно будет предпринимать крупные сражения. Армия Ренненкампа перешла границу 29 июля (11 августа) [Showalter 2004:137], однако первый крупный бой произошел под Шталлупененом (Нестеровом) 4(17) августа. Это было кровопролитное, но неопределенное по результату столкновение, которое вскорости вылилось в Гумбинненское сражение 7 (20) августа примерно в 25 километрах к западу. Исход его был более конкретен – явная победа русского оружия. В тот же день, как и обещал Жилинский, 2-я армия генерала А. В. Самсонова вторглась в Восточную Пруссию с юга.

Это был опасный момент для немцев. На бумаге две русские армии состояли из 30 дивизий, которые могли быть брошены против 13 дивизий 8-й армии генерала Максимилиана фон Притвица. Окружение 8-й армии вызвало бы серьезный кризис, поскольку большая часть оставшихся вооруженных сил Германии была срочно направлена к Парижу, а дорога на Берлин была относительно свободна. Притвиц, опасаясь худшего, предложил отступить обратно на западный берег Вислы, примерно за 250 километров. В сущности, Притвиц предлагал спасти Германию, пожертвовав Восточной Пруссией. Землевладельческая элита Германии много вложила – в финансовом и эмоциональном смысле – в Восточную Пруссию, и это во многом стало причиной шока, охватившего Берлин, когда стали известны приказы Притвица. Но следует также отметить, что отступление могло бы иметь разрушительные и незамедлительные военные последствия и для австро-венгерских сил в Галиции²⁹. Русские продвигались в Галиции гораздо медленнее и менее эффективно, чем могли бы, по большей части из-за постоянного давления немцев на севере.

Однако победа России под Гумбинненом оказалась не настолько сокрушительной и деморализующей, чтобы обеспечить существенный стратегический результат. Немцы потерпели поражение, но вовсе не были разбиты наголову. Поэтому генерал фон Мольтке рискнул существованием 8-й армии, приказав продолжить сражение. Сняв с поста Притвица, он назначил командующим 8-й армией генерала Пауля фон Гинденбурга, а начальником ее штаба – генерала Эрика Людендорфа. Прибыв на место, Гинденбург и Людендорф обнаружили, что русские штабы производят куда меньшее впечатление, чем полевые войска. Координация между 1-й и 2-й армиями была неудовлетворительной, 1-я армия отказалась развить победу под Гумбинненом, преследуя немцев, а 2-я армия продвинулась на опасное расстояние на центральном участке. Эти явные ошибки командования открывали столь многообещающие возможности, что ими нельзя было не воспользоваться. Быстро отведя войска от Гумбиннена к юго-западу, 16 (29) августа 8-я армия атаковала обнажившийся фланг 2-й русской армии, взяла его в кольцо и захватила большинство солдат в плен. Генерал Самсонов, вынужденный бежать вместе со своим штабом, совершил самоубийство, не добравшись до безопасного места. Устремившись обратно к северу, 8-я армия столкнулась с 1-й, вытеснив ее через границу 31 августа (13 сентября) и довершив разгром. После поражения 2-й армии (в битве при Танненберге) и 1-й армии (в Мазурском сражении) серьезной угрозы для Германии больше не оставалось.

²⁶ О франкофильских настроениях великого князя и его персональном стремлении как можно скорее начать военные действия см. [Robinson 2016].

²⁷ Телеграмма генерала Янушкевича генералу Жилинскому от 28 июля 1914г. // [Восточно-Прусская операция 1939: 85-86].

²⁸ Телеграмма генерала Жилинского генералу Янушкевичу от 30 июля 1914 г. // [Восточно-Прусская операция 1939: 87].

²⁹ Германское Верховное командование опасалось и этого тоже. См. [Mombauer 2001].

Эти первые сражения в Восточной Пруссии наглядно показали, как будет развиваться война на Восточном фронте. Прежде всего, солдаты с обеих сторон дрались отчаянно и умело в исключительно сложных обстоятельствах. Прежние романтические представления о войне, когда солдаты стройными колоннами идут в бой, а громадные волны кавалерии решают исход батальонов, были быстро и жестоко разрушены: это относилось не только к русским, но и к немцам. Несмотря на это, солдаты с обеих сторон показали, что могут стойко держаться под артиллерийскими обстрелами, идти, куда прикажут, и атаковать позиции, невзирая на крайне тяжелые условия. Во-вторых, при относительном паритете на уровне рядового состава, немцы получили явное преимущество на уровне командования. Это был не просто вопрос «просчетов» отдельных генералов вроде Самсонова, но системная проблема. Русская армия необычайно плохо справлялась с задачей составления и сборки всех сложных фрагментов военной мозаики. Эта проблема «сочленения» губила войска в течение целого поколения и даже дольше, но так и не была решена [Menning 1992: 3]. Россия выиграла бы сражение (и, возможно, войну) в Восточной Пруссии, если бы Ренненкампф неотступно преследовал своего побитого врага после Гумбиннена; эту точку зрения разделял и Людендорф [Ростунов 1976:128]. Но он этого не сделал, отчасти потому, что ответственные за координирование действий двух армий (прежде всего генерал Жилинский и великий князь Николай Николаевич) не сумели убедить или заставить его сделать это. Кроме того, Ренненкампф имел опасения по поводу неустойчивого тылового снабжения – еще одно «сочленение», которое разрушалось уже с первых дней войны. Наконец, русская армия не сумела эффективно наладить разведывательные действия: не было возможности выяснить, в каком положении оказался Ренненкампф. И здесь опять-таки серьезной проблемой оказалось отсутствие надежных вертикальных и горизонтальных связей между множеством различных частей русских вооруженных сил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.